

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОМАНЕ М. КОМАРОВА «ЖИЗНЬ ВАНЬКИ КАИНА»

В статье рассматриваются особенности художественного повествования в романе М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина»: повествовательная структура, истоки образности, связи с лубком и рукописными сборниками.

Ключевые слова: М. Комаров, Ванька Каин, повествовательная структура, лубок, рукописные сборники.

The article is devoted to some characteristic features of narration in M. Komarov's novel «Vanka Kain»: composition, the author's point of view, connections with lubok and folk hand-written books.

Keywords: M. Komarov, Vanka Kain, narration, lubok, folk hand-written books.

Роман Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов» вышел в свет в 1779 г. В том же году появилось второе издание этой книги, в которое были включены «Песни», «петые Каином» в тюрьме (они были заимствованы из «Собрания разных песен М. Д. Чулкова») [Пухов, 1999. С. 111]. Роман М. Комарова был написан на основе автобиографии знаменитого в 30–40-е гг. XVIII в. разбойника Ивана Осипова по прозвищу Ванька Каин, которая переиздавалась в XVIII в. пятнадцать раз. Творчество М. Комарова (нач. 1730-х гг. – 1812 (?)) рассматривается как явление «массовой» литературы XVIII в. [Стенник, Степанов, 1980. С. 571–626], в русле предромантического движения («интерес к «низкой» материи жизни») [Троицкий, 1982. С. 312].

Отмечалась связь образа главного героя с фольклорной традицией, которая «придала ему своеобразное обаяние вопреки целому ряду поступков самого неблагоприятного свойства, вопреки комментариям автора-резонера» [Баранов, 1989. С. 19].

Произведение М. Комарова было одним из самых ранних опытов освоения в русской литературе жанра романа, оно отличается как от западных, так и от отечественных

образцов оригинальной композицией. Повествование разделено на части: предуведомление, «История мошенника Ваньки Каина», «Дела Каиновы, учиненные во время бытности его сыщиком» (34 истории, эпизоды биографии героя, разные по объему), «Приложение. Некоторые из песен, петых Каином» (43 песни). Они неоднородны в жанровом и стилистическом отношении, но все же составляют относительно цельное повествование, поскольку в каждой из частей раскрываются грани личности Каина. Цельность повествования поддерживается также авторской рефлексией, которая присутствует во всех частях, кроме последней. В тексте есть примечания, они являются второстепенным уровнем повествовательной структуры романа, но имеют, тем не менее, свое значение (в них автор вносит некоторые дополнения к описываемым событиям, объясняет значения устаревших и непонятных читателю слов, комментирует места из рукописей, которые ему представляются сомнительными, делает ссылки на другие источники и т. п.).

Принципы европейского просветительского романа были усвоены и по-своему использованы М. Комаровым: в предуведомлении излагается мнение автора о предлагаемой истории, описана предыстория романа; читатель последовательно вовлекается в художественное пространство произ-

ведения; присутствует авторская рефлексия. Обращаясь в предуведомлении к «благо-склонному читателю», автор имеет в виду свою читательскую аудиторию: «...ныне любезные наши граждане, не боясь за сие пустого, древнего, анафемического грома, не только благородные, но и средней и низкой степени люди, а особливо купечество, весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняются» [Комаров 1989. С. 330–331]. Он ссылается на мнение «некоторых из них, молодых людей», которые читали книжку о французском мошеннике Картуше и говорили, что в России подобных ему мошенников и других приключений, достойных внимания, не было. М. Комаров им возражает: «...бывали и в нашем отечестве в натуре чудные явления и в обществе великие дела и многие достойные примечанию перемены; бывали и есть разумные градоначальники, великие герои, неустрашимые полководцы; случались со многими людьми такие приключения, которые достойны б были занять место в историях; бывали и есть великие мошенники, воры и разбойники» [Там же. С. 330]. Но не хватает, по мнению автора, «прилежных писателей», не стихотворцев и авторов комедий, а «истории писателей» и людей, которые бы «вели журнал своей жизни», тогда бы со временем появилось «немалое количество достойных любопытного чтения книг, и потомки б наши с большим удовольствием читали в оных о делах своих предков, нежели деяния иностранных народов» [Там же. С. 331]. В предуведомлении, таким образом, обозначена литературная позиция М. Комарова: ориентация на третьесловного читателя, противопоставление себя авторам-классицистам, предпочтение материалов отечественной истории и автобиографических источников повествования.

Кроме изданных анонимных биографий Ивана Осипова, М. Комаров располагал рукописными биографиями, сравнивал их списки, как это следует из примечаний автора к тексту [Там же. С. 380], также он пользовался устными сведениями. По его словам, он слышал историю Каина в 1755 г., когда был по своим делам в Сысском приказе, известно ему и то, что Каин рассказывал о себе третьему лицу (указано и его имя – служащий приказа дворянин Федор Фомич Левшин). Ссылается автор и на «маленький список о делах сего мошенника, который писан таким слогом, как

обыкновенно подлые люди рассказывают сказки или какие ни есть свои похождения» [Там же. С. 331]. Автор уверен, что оригинал был написан «самим Каином, или другим кем по его объявлению».

Лейтмотивом жизнеописания героя является эпиграф к роману: «От худа иногда рождается добро, а от добра нередко происходит зло»; он напоминает барочные метафоры, трактующие полноту и единство мира через концепты – парадоксальные, противоречивые образы. С ними связан образ фортуны¹, на которую неоднократно ссылается автор в повествовании, когда возникает необходимость объяснить резкую перемену в жизни героя, например: «...нет на свете ничего непоколебимого и твердого, нет постоянного, а только одни превратности и суеты его составляют...» [Там же. С. 358]. В размышления о фортуне и судьбе вовлекается читатель, с которым автор как будто «сверяет» свои мысли: «Вот, почтенный читатель, как непостоянна фортуна человеческая: часто веселится, делая добрых людей злосчастными и помрачая блистание справедливых...» [Там же. С. 370].

Судьба героя дает автору повод для размышления о жизни человека вообще в сентенциях, комментариях, обращенных к читателю. В начале истории, после упоминания о том, что родился Каин от «подлых родителей» (т. е. происхождение из низов, как правило, из крестьянского сословия), автор пишет о характере героя: «Натура по неизвестной нам судьбе одарила сего мошенника остротою разума, проворством, смелостию, скорою догадкою и наградила такую фортуною, которая во всех добрых и худых делах ему много способствовала и неоднократно извлекала из самых несчастливых случаев, от которых он иногда и сам никак избавиться не чаял; но к сим натуральным дарованиям недоставало только ему во время его малолетства доброго воспитания, чрез которое б он натуральный свой разум научился употреблять не на злые, а на добрые дела...» [Там же. С. 332]. В романе получает развитие характерная для просветительского романа проблема «человек и среда». Автор прямо указывает

¹ Фортуна (Fortuna), в римской мифологии богиня счастья, случая и удачи. ... Изображалась с рогом изобилия, иногда на шаре или колесе (символ изменчивости счастья) или с повязкой на глазах [Мифы народов мира, 1992. С. 571].

причины преступного будущего Каина: «...обращался всегда между такими людьми, которые время своей жизни препровождали в праздности, пьянстве, своеволии и во всяких тягостях, у которых он с самого ребячества перенимая все худые поступки и порочные дела такую сделал к тому сильную привычку, что и пришедши уже в совершенный возраст и будучи в благополучии, никак от того отвыкнуть не мог...» [Там же. С. 332–333]. К этим понятиям (натура, воспитание, фортуна) постоянно обращается автор для объяснения причинно-следственных связей при описании судьбы героя. Однако и они не в силах разъяснить причины несоответствия нравственных заслуг и «счастья», в этом случае автор ссылается на Провидение: «...и самые разумнейшие люди едва ли могут постигнуть, неиспытаны бо судьбы Божеские...» [Там же. С. 362].

У Каина есть много общего с героем плутовского романа: маргинальное социальное положение, склонность к авантюрам; умение преодолевать удары судьбы; неординарные приключения, из которых он до поры выходит все же победителем, попытки изменить свое состояние. Ему не свойственна рефлексия, хотя и упоминается один пример раскаяния Каина, не имевший, впрочем, последствий. Он хотел оставить свой воровской промысел после очередного успешного грабежа, размышляя о том, что «счастье во всех воровских делах» может изменить и его постигнет «достойный жребий» других разбойников. Как и другие герои-плуты, Каин в данном случае искал выгоды, но поскольку «...он никакому мастерству, кроме мошенничества, обучен не был, а черную работу работать не имел привычки» [Там же. С. 362], то опять вернулся к привычной жизни.

Несмотря на то, что автор пытается соблюсти беспристрастность, описывая не только «худые», но и «добрые» дела Каина, он осуждает своего героя, а бесславный конец карьеры «вора и сыщика» трактует как закономерное следствие его прегрешений: «А мы теперь обратимся к окончанию дел Каиновых, которому справедливая судьба приуготовляет достойное возмездие. И рок его уже приближается, ибо предела судьбы никак избежать не можно» [Там же. С. 384]. Таким образом, концепция жизни Каина воплощена в таких взаимосвязанных аспектах, как природные задатки, воспитание, образ жизни, характер, поступки,

судьба. Жизненный путь Каина описан в романе как череда происшествий, событий; внутренний мир героя остается закрытым, развития характера нет, а единичные проявления его рефлексии меркнут на фоне авторской.

Описание жизни В. Каина изложено в двух частях: «История мошенника Ваньки Каина» и «Дела Каиновы, учиненные во время бытности его сыщиком». Если первая часть представляет цельное повествование, то вторая разделена на цепь пронумерованных эпизодов, «случаев». Манера повествования воскрешала в воображении читателей образцы прозы, популярной в рукописной традиции XVIII в., которые использовал автор: фацеции, сатирические повести. Так, колоритно воспроизведена речь самого героя («я не вор, не тать, только на ту же статью...»), а также персонажей из его окружения. Один из них так приветствовал Каина под Каменным мостом: «Видно, брат, что ты нашего сукна епанча (сие значило, что того же сорту человек), поживи здесь с нами, у нас всего довольно: наготы, босоты навешаны шесты, а голоду и холоду полные анбары стоят. Мы, живучи здесь, покои свои внаем отдаем, а проходящим по сему мосту ночью тихую милостыню подаем, а правду тебе сказать, так у нас только пыль да копать, а иногда нечего и лопать» [Там же. С. 343, 335].

Образная народная речь напоминает стиль «Азбуки о голом и небогатом человеке» («Аз есмь наг и бос, холоден и голоден, всем недостаточен»; «Цел был мой дом, да не велел Бог жить в нем»), «Службы кабаку» («Дом потешен, голодом изнавешен, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся»; «пьяницы на кабаке живут и попечение имут о приезжих людех, как бы их облупити и на кабаке пропити...») [Русская демократическая сатира, 1977. С. 28, 29, 38, 41].

Стиль эпизодов второй части жизнеописания Каина напоминает деловые документы (сыскал...; поймал...; переловил...; взял...). Мастерство рассказчика проявляется в предпочтении динамических аспектов повествования (обилие глаголов действия), драматических моментов в сюжете, в построении диалогов, в лаконичных и ярких характеристиках персонажей. «Низовая, бродячая, бесшабашно-анархическая Русь запечатлена тут в ряде эскизных, но колоритных образов, во многих непринужденно написанных сценах и зарисовках» [Жегалов, 1982. С. 361]. Однако автор последовательно отделяет себя

от героя и его среды в авторских отступлениях, давая оценку его поступкам; в примечаниях и комментариях в скобках он разъясняет читателю отдельные слова из языка обитателей «дна».

Завершает повествование Приложение («Песни, петые Каином»), в котором собраны народные песни (лирические, исторические, разбойничьи и т. п.), в двух из них упоминается имя Каина. Такие песни часто переписывались в рукописных сборниках XVIII в., входили в печатные сборники, их функция в повествовании определялась, вероятно, тем, что восполняла отсутствие описаний чувств героя. Авторская назидательная интенция, так ярко прописанная в авторских отступлениях, порой отступает на второй план на фоне колоритных описаний проделок Каина. Лирический модус завершающей части придал образу главного героя отсутствующий в его жизнеописании психологизм, что, возможно, усугубило неоднозначность восприятия и толкования читателями истории «известного мошенника» Ваньки Каина.

Повествовательная манера М. Комарова в некоторых своих аспектах близка к лубочной литературе. Определение «лубочная» в данном случае – не только метафора «массовой» литературы, в романе М. Комарова можно отметить много общего в принципах изображения с лубком. Так, для лубочного стиля характерна «игра цветового пятна с контуром» [Соколов, 1999]. В образе Каина можно заметить некоторое сходство с персонажем лубочной картинки: при общем схематизме описания характера и внутреннего мира героя ярко начертаны основные, определяющие его характер признаки.

Некоторые поступки Каина представлены более «крупно», как например, в эпизоде с женитьбой, подобным образом художник выделяет в лубочном изображении самое главное. Лубку присуща и театральная игра, вовлечение в нее зрителя; «зрелищный» характер лубка проявляется и в тех типах народной картинки, которые тяготеют к рассказу в картинках [Лотман, 1999]. Эти принципы изображения, характерные для лубочной картинки, находят соответствие в описаниях мошеннических проделок Каина, в колоритных диалогах, содержащих поговорки и прибаутки. Отдельные эпизоды напоминают театральные миниатюры: история о солдате из команды Каина и купеческой жене в духе Фацевей, но с жестоким

исходом; женитьба Каина, его венчание, жестокие забавы с элементами фарса (история о веселье на масленицу после свадьбы Каина и наказание «фабричного», вовлеченного самим Каином в воровство).

Лубок, как правило, перерабатывает разнородные образцы, по-своему «адаптирует» профессиональное искусство; игра цветового пятна с контуром создает предпосылки для «затрудненного», творческого разглядывания, для обсуждения и толкования [Соколов, 1999. С. 12–17]. Оснований для читательского толкования в истории Каина немало: это и противоречивый образ главного героя («злые и добрые дела»), вызывающий осуждение и в то же время подкупающий своим стремлением к свободе, находчивостью и удалством, и размышления автора над его судьбой. Отсутствие прямой связи между историей Каина и песнями, «петыми» Каином, давало возможность выбрать лирические мотивы, раскрывающие внутренний мир героя, и связать их с эпизодами его истории.

В повествовательной структуре романа, состоящего из разнородных частей, видны «стыки», «швы», обусловленные разными жанровыми прототипами повествования (западноевропейская романистика, печатные и рукописные биографии Каина, сборники песен). Произведение Комарова, таким образом, может рассматриваться как несовершенная попытка освоения романной формы: «Сказ про ловкого мошенника, криминальная хроника и нравоописательный роман в комаровской книжке о Каине довольно мирно сосуществуют, не образуя органического единства» [Баранов, 1989. С. 19]. Однако подобная структура повествования, которая на фоне классической традиции отечественного романа может показаться недостатком, для читателя XVIII в. была, возможно, более органичной. Она не только не мешала удивляться, размышлять, сочувствовать герою, но оставляла простор для читательской рефлексии.

Роман М. Комарова, состоящий из разнородных частей, напоминает по структуре сборник. Сборник как форма циклизации самых разных материалов был распространен в печатной литературе XVIII в. В типологии метатекстовых образований выделяются сборники разного вида, в том числе новеллистические (М. Д. Чулков, В. А. Левшин, И. В. Новиков, Н. Г. Курганов) [Кисе-

лёв, 2004. С. 92]. Однако появление печатных сборников было подготовлено многовековой отечественной традицией составления рукописных сборников. В круге чтения «низового» читателя в XVIII в. рукописные сборники занимали видное место. Сохраняли популярность сборники старой традиции, переписывались тексты из новых печатных книг. В романе о Каине можно отметить связи не только с печатными сборниками, но и с рукописными сборниками, в составе которых переписывались повести XVII в., песни. Роман М. Комарова о Ваньке Каине в этом контексте также представляется произведением, в структуре которого просматривается жанровый прототип сборника, уже преодоленный в индивидуальном творчестве писателя.

Связь с рукописным сборником проявляется и в подписи автора под Предупреждением – «Матвей Комаров, житель города Москвы». Уточнение места пребывания и происхождения напоминает многочисленные владельческие записи, записи переписчиков в рукописных сборниках XVIII в., в которых, как правило, упоминалось место проживания и род занятий («Московского купец Иван Петров сын Козмин руку приложил»; «Сия книга верховажского посаду купца Василья Русинова», «Сия книга города Якуцка купца Федора С...» и т. п.) [Фокина, 2004]. Вместо принятого в рукописной традиции указания на принадлежность к цеху в подписи М. Комарова стоит нейтральное «житель». С одной стороны, эта самоидентификация является указанием на принадлежность к определенной социальной среде и связывает автора с посадом. С другой – в данном контексте слитность авторской индивидуальности, запечатленной в имени, с «городом Москвой» подчеркивает, как это было заявлено в Предупреждении, воплощение «достойного примечания» явления русской жизни и истории (жизнеописания Каина) и является манифестацией патриотизма автора. Примечательно, что в романе «Невидимка», изданном в 1789 г., автор усилит эту коннотацию в подписи «Матвей Комаров, житель царствующего града Москвы».

Таким образом, специфика художественного повествования в романе М. Комарова связана не только с традициями западноевропейского романа (предисловие, обращение автора к читателю и т. п.), но и с характерными

для народной культуры и рукописной субкультуры повествовательными стратегиями и типами художественной коммуникации.

Список литературы

Баранов С. Ю. Популярная проза XVIII века // Повести разумные и замысловатые. М.: Современник, 1989. С. 3–28.

Жегалов Н. Н. Движение к реализму // Русский и западно-европейский классицизм. Проза / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1982. С. 342–370.

Киселёв В. С. Статьи по теории и истории метатекста. (На материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). Томск, 2004. 109 с.

Комаров М. Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина // Повести разумные и замысловатые: Популярная проза XVIII века. М.: Современник, 1989.

Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Мир народной картинки: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения-1997» / Отв. ред. И. Е. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 384–396.

Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.

Пухов В. В. Комаров // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2 (К–П). С. 111–112.

Русская демократическая сатира XVII в. М.: Наука, 1977. 255 с.

Соколов Б. М. Лубок как художественная система // Мир народной картинки: Материалы науч. конф. «Випперовские чтения-1997» / Отв. ред. И. Е. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 9–30.

Стенник Ю. В., Степанов В. П. Литературно-общественное движение конца 1760–1780-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1.

Троицкий В. Ю. Предромантические веяния // Русский и западноевропейский классицизм. Проза / Отв. ред. А. С. Курилов. М.: Наука, 1982. С. 301–320.

Фокина О. Н. «Записи» в контексте рукописных сборников XVIII в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2004. Т. 3, вып. 1: Филология. С. 71–83.